

IJTIMOIIY-GUMANITAR SOHADA ILMIIY-INNOVATION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

DOI: 10.67227

ISSN 3060-5059

VOL.3 № 6

2026

TURKISTONDA RUS-TUZEM MAKTABLARI VA GIMNAZIYALARI

Dilfuza Nasretdinova

University of Business and Science, dotsent

Annotatsiya

Maqolada XIX asr oxiri va XX asr boshlarida Rossiya imperiyasining Turkistonni boshqarish davri sharoitida ta'lim tizimida amalga oshirilgan islohotlar muhokama qilinadi. Unda ruslashtirish siyosati aks etgan rus-tuzem maktablari va gimnaziyalar faoliyati, mahalliy aholini ushbu ta'lim muassasalariga jalb etish usullari hamda ushbu islohotlar natijasida yuzaga kelgan oqibatlar tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: Rossiya imperiyasi, Turkiston, mahalliy aholi, Turkiston general-gubernatorligi, rus-tuzem maktablari va gimnaziyalar, ta'lim sharoiti, o'quv vositalari, darsliklar, mahalliy boylar, milliy ma'rifatparvarlar.

СИСТЕМА РУССКО - ТУЗЕМНЫХ ШКОЛ И ГИМНАЗИИ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ

Дилфуза Насретдинова

University of Business and Science, доцент

Аннотация

В статье рассматриваются реформы в системе образования, осуществлённые в конце XIX — начале XX века в условиях управления Туркестаном Российской империей. Анализируется деятельность русско-туземных школ и гимназий, отражавших политику русификации, а также методы привлечения местного населения к обучению в данных учебных заведениях. Кроме того, исследуются последствия, возникшие в результате проведения указанных реформ.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, местное население, Туркестанское генерал-губернаторство, русско-туземные школы и гимназии, условия обучения, учебные пособия, учебники, местные богачи, национальные просветители.

RUS-TUZEM SCHOOLS AND GYMNAZIA IN TURKESTAN

Dilfuza Nasretdinova

University of Business and Science, Associate Professor

Abstract

This article discusses the reforms carried out by the Russian Empire in the education system of Turkestan in the late 19th and early 20th centuries. It examines the activities of Russian-native (Russo-native) schools and gymnasiums that reflected the policy of Russification during these processes, as well as the methods of involving the local population in these institutions and the consequences observed as a result of these reforms.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, local population, Turkestan General-Governorate, Russian-native schools and gymnasiums, educational conditions, teaching aids, textbooks, local wealthy individuals, national enlighteners.

После завоевания Туркестана Российской империей в крае были проведены масштабные социально-экономические и культурные преобразования, направленные на интеграцию региона в общеимперское пространство. Существенное место в данной политике занимала стратегия русификации, нацеленная на формирование лояльного к имперской власти социокультурного слоя среди местного населения. Реализация этой стратегии началась прежде всего с реформирования системы образования. В крае были открыты русско-туземные школы, мужские и женские гимназии, а также ремесленные училища. Первый генерал-губернатор Туркестана Константин Петрович Кауфман, изучив состояние местного образования, пришёл к выводу о необходимости использования опыта миссионерской педагогики, апробированной в Поволжье. С этой целью в Ташкент был приглашён известный ориенталист и педагог-миссионер Николай Иванович Ильминский.

Ильминский, владевший арабским, персидским и тюркскими языками, получил известность как исследователь восточных источников; в 1857 году в Казани им было издано произведение Бабур-наме автора Захир ад-Дин Мухаммад Бабур. Однако в контексте Туркестана

его деятельность была связана прежде всего с разработкой и внедрением особой образовательной модели, ставшей инструментом имперской национальной политики. Так называемая «система Ильминского», положенная в основу русско-туземных школ, предполагала начальное обучение на родном языке учащихся, но с использованием русской графики, с постепенным усилением роли русского языка и включением элементов русской культурной традиции. В 1873 году Ильминский выдвинул предложение о переводе тюркских народов с традиционной арабской письменности на кириллическую графику [1, 87]. Данная инициатива соответствовала более широкой задаче трансформации культурной идентичности местного населения, ослабления его связей с исламской образовательной традицией и интеграции в русскоязычное культурное пространство.

Вместе с тем политика русификации вызывала критику со стороны представителей мусульманской общественности. В 1908 году депутат Государственной думы Гайса Шарифович Еникеев с парламентской трибуны подверг резкой критике миссионерский характер русско-туземных школ. Он подчёркивал необходимость устранения миссионерских элементов из системы образования, отказа от политики русификации и построения школьного обучения на научно-педагогических принципах, учитывающих культурно-религиозные особенности мусульманского населения. Таким образом, образовательные реформы в Туркестане, декларировавшиеся как меры по модернизации и просвещению региона, фактически выступали важнейшим инструментом имперской политики культурной ассимиляции. Система народного образования стала одним из ключевых механизмов институционализации русификации и трансформации социокультурной структуры туркестанского общества.

Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идёт о школах для мусульманского населения, учреждённых Министерством народного просвещения на основе системы Ильминского. Как отмечалось современниками, подобные учебные заведения не могли завоевать доверие мусульманского общества, поскольку не служили подлинным целям просвещения, а преследовали иные, политико-конфессиональные задачи [2, с. 86].

Сам Николай Иванович Ильминский рассматривался как миссионер, выступавший за распространение идей православия среди народов Туркестана. Его педагогическая концепция была тесно связана с задачами конфессионального воздействия и культурной трансформации инородческого населения. Вместе с тем первый туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович Кауфман осознавал потенциальную опасность открытой миссионерской деятельности в регионе и потому не санкционировал её прямую реализацию в Туркестане, предпочитая более осторожную и гибкую тактику.

Характеризуя своего ученика Николай Петрович Остроумов, Ильминский писал, что тот окончил курс Казанской духовной академии, где изучал татарский и арабский языки под его руководством, был хорошо знаком с исламским вероучением и Кораном и являлся миссионером как по убеждению, так и по научной подготовке. При этом подчёркивалось, что миссионерская деятельность, по мнению Остроумова, могла быть прочно основана лишь на просветительской работе, осуществляемой в «гуманитарных» формах, прежде всего через систему образования. Реализация политики русификации в Туркестане, однако, сталкивалась с серьёзными препятствиями. Национально-освободительные выступления против российской колониальной власти, а также сопротивление со стороны представителей шариатского духовенства вынуждали администрацию проводить более взвешенную и осторожную политику. В этих условиях имперские власти избрали тактику формального невмешательства в деятельность традиционных мектебов и медресе, стремясь избегать открытого конфликта с местным населением. Более того, в ряде случаев допускалась поддержка религиозного консерватизма как средства сохранения управляемости общества и предотвращения консолидации антиколониального движения.

Таким образом, образовательная политика Российской империи в Туркестане сочетала элементы миссионерской стратегии, культурной ассимиляции и прагматической административной осторожности, что свидетельствует о сложном и противоречивом характере имперского управления в регионе.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Опубликованные по данной проблематике труды, проведённые исследования и изданные научные статьи, с учётом современных концептуально-методологических требований, целесообразно классифицировать в хронологическом разрезе на четыре основные группы:

1. Публикации и материалы периодической печати, изданные в период существования

- Российской империи. Данная группа источников отражает официальную позицию имперской администрации, миссионерских кругов и колониальной научной среды, формируя дискурс, в рамках которого образовательная политика в Туркестане интерпретировалась как цивилизаторская и модернизационная миссия.
2. Литература и научные исследования, опубликованные в советский период. Работы этого этапа характеризуются доминированием марксистско-ленинской методологии, классового подхода и критики колониальной политики царизма. Вместе с тем интерпретация проблем русификации, миссионерства и образовательных реформ нередко осуществлялась сквозь призму идеологических установок советского времени, что определяло специфику оценок и понятийного аппарата.
  3. Научная литература и исследования, созданные в годы независимости Республики Узбекистан.

К первой группе относятся публикации конца XIX — начала XX вв., посвящённые изучению повседневной жизни, быта и традиций местного населения в специфическом для данного периода колониальном дискурсе. В частности, в трудах Владимир Петрович Наливкин и Мария Владимировна Наливкина содержатся ценные этнографические сведения об обычаях и укладе оседлого населения Туркестана. Их работы представляют собой важный источник по социальной истории региона, несмотря на присущую им ориенталистскую оптику.

Следует отметить, что В.П. Наливкин, занимавший должность инспектора мусульманских школ при Управлении учебных заведений Туркестанского края, осуществлял проверки русско-туземных школ и гимназий, детально знакомился с организацией учебного процесса. По итогам наблюдений им были выявлены недостатки и системные проблемы в деятельности данных учреждений, что нашло отражение в подготовленных им официальных отчётах, а также в опубликованных книгах и статьях.

Значительный вклад в изучение образовательной политики в Туркестане внёс Николай Петрович Остроумов. В своих мемуарах он осветил ход реформ в сфере народного образования, деятельность первого генерал-губернатора Константин Петрович фон Кауфман, а также процесс становления русско-туземных школ и отношение к ним со стороны местного населения, опираясь на конкретные исторические факты и личные наблюдения.

Особый интерес представляет отчёт сенатора Константин Константинович Пален, посвящённый состоянию учебного дела в Туркестане. В данном документе содержится анализ функционирования колониальной системы образования, в том числе обстоятельств создания русско-туземных школ и гимназий, а также их роли в реализации политики русификации в регионе. Приведённые в отчёте фактические материалы позволяют реконструировать институциональные механизмы имперской образовательной политики и оценить её значение в контексте колониального управления.

Ко второй группе относятся труды, опубликованные в советский период. Для них характерен подход, основанный на коммунистической идеологии, в рамках которого утверждалось, что население Туркестана в дореволюционное время было «практически полностью неграмотным». Подобная интерпретация соответствовала установкам марксистско-ленинской методологии и была направлена на обоснование тезиса о «цивилизаторской» роли социалистических преобразований в сфере образования.

В выступлениях и публикациях таких представителей образовательной сферы, как Н. Архангельский и Ш. Рахимий, анализировались проблемы, связанные с методикой преподавания и состоянием учебных пособий в традиционных школах и медресе, унаследованных от дореволюционного периода. В ряде исследований рассматривался процесс формирования русско-туземных школ в эпоху Российской империи. Однако при этом практически не освещались усилия имперской администрации по решению системных проблем в сфере образования, а также сложность и противоречивость проводимой образовательной политики.

Третью группу составляют научные труды и исследования, созданные в годы независимости Республики Узбекистан. Они отличаются стремлением к переосмыслению исторического опыта на основе принципов объективности, историзма и научной беспристрастности, закреплённых в концепции освещения истории узбекской государственности.

В монографиях Р. Шамсутдиновой и Б. Расулова, посвящённых истории школ и медресе Туркестана, подробно раскрывается эволюция традиционных образовательных институтов региона.

Вместе с тем деятельности русско-туземных школ и гимназий уделено сравнительно меньше внимания, что свидетельствует о смещении исследовательского акцента в сторону национально-культурных форм просвещения.

В работах И. Шамсиевой, Н. Мустафаевой и ряда других исследователей рассматриваются вопросы становления системы образования в Средней Азии в широком историческом контексте. При этом деятельность русско-туземных школ и гимназий анализируется фрагментарно, преимущественно как один из элементов колониальной образовательной политики, без всестороннего институционального и сравнительного анализа их функционирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Русско-туземные школы и гимназии, созданные Российской империей с целью формирования лояльных подданных, ориентированных на служение имперским интересам, предусматривали отдельную организацию учебного процесса для мальчиков и девочек. При этом воспитание «преданных граждан» не ограничивалось мужской частью населения: вовлечение женщин рассматривалось как приоритетное направление образовательной политики. Основной задачей являлось формирование у молодёжи — вне зависимости от пола — чувства «лояльности» к империи и расширение социальной базы сторонников действующей власти.

В этих целях учреждались специализированные женские учебные заведения различного профиля. Для привлечения к обучению представительниц местного населения администрация использовала посредничество татарских женщин, языково, религиозно и культурно близких к коренному мусульманскому населению края.

Так, в 1861 г. в Казалинском уезде Сырдарьинской области была открыта первая «школа для девочек» для местного населения под руководством татарской учительницы, где преподавались основы грамоты, а также шитьё и ткачество. Однако уже в 1862 г., в связи с её отъездом в Оренбург, деятельность школы была прекращена [4, с. 107].

Согласно решениям императора Александра II от 13 марта и 26 декабря 1868 г., сибирским инородческим детям предоставлялась возможность поступления в учебные заведения с 15-летнего возраста, а также разрешалось оставаться на повторное обучение в одном классе до трёх раз [5, с. 6]. Данные меры стали одним из первых институциональных шагов в реализации политики русификации и были направлены на создание условий для адаптации представителей местных народов к обучению на русском языке.

Дополнительно определённые льготы распространялись и на учащихся частных гимназий. В частности, обучавшиеся повторно и завершившие учебный год с удовлетворительными четвертными оценками могли оплачивать обучение по льготным тарифам, установленным генерал-губернатором, либо получать специальные стипендии. Так, в 1885 г. в Ташкентской женской гимназии 10 учениц были удостоены специальных стипендий, а 15 освобождены от платы за повторный год обучения. В целях усиления мотивации к обучению среди представителей местного населения правительство целенаправленно расширяло систему образовательных преференций. Наряду с русскими ученицами этими льготами пользовались и татарские девушки (Умидова, Еникеева, Булатова, Кочикарева, Бибишева, Чанышева, Биктеева и др.), что свидетельствует о включении мусульманских женщин в имперское образовательное пространство [6, с. 68].

Вместе с тем генерал-губернаторская администрация не ставила своей задачей всестороннее развитие народного образования в крае; приоритет отдавался комплектованию русских и русско-туземных школ и гимназий за счёт местных детей и последовательному внедрению политики русификации в социальную сферу.

Узбекские просветители, однако, рассматривали изучение русского языка как средство приобщения к достижениям мировой науки и техники. Так, Сатторхон Абдугафоров в одной из своих статей подчёркивал необходимость овладения русским языком для ознакомления с научными трудами и полезными знаниями, способными принести практическую пользу обществу [7, с. 32]. Он отмечал, что в то время значительная часть населения Коканда не осознавала значимости подобных преобразований, воспринимая новые порядки как чуждые и непривычные.

Сатторхон Абдугафоров являлся первым узбекским учителем в русской школе, открытой в 1873 г. в Чимкенте. Подобно другим представителям местной прогрессивной интеллигенции, он осознавал прагматическую значимость изучения русского языка и потому принимал участие в деятельности новых учебных заведений. Для многих просветителей владение русским языком также означало возможность понимания политического курса правящей администрации и

выработки собственной стратегии общественного развития.

В 1870 г. в Министерстве народного просвещения под руководством министра Дмитрий Андреевич Толстой был разработан план расширения сети начальных школ на Урале, в Сибири и Крыму. В его основе лежала идея русификации нерусских народов империи и их постепенной интеграции в состав «русской нации». Одним из инструментов достижения этой цели рассматривалось вовлечение детей нерусских народов в русские и русско-туземные школы, а также совместное обучение русских и нерусских учащихся в одних классах, что, по замыслу авторов проекта, должно было ускорить освоение русского языка.

В плане особо подчёркивалась необходимость расширения сети русских и русско-туземных школ среди кочевых народов Казахстана с целью ограничения распространения исламского влияния. Обеспечение этих учебных заведений педагогическими кадрами предполагалось осуществлять за счёт выпускников Туркестанской учительской семинарии [8, с. 66].

Таким образом, образовательная политика Российской империи в Туркестане сочетала элементы социальной мобилизации, гендерной интеграции, культурной ассимиляции и административного прагматизма, формируя сложную и многоуровневую систему колониального управления в сфере просвещения.

Согласно закону, принятому в 1875 году центральным правительством Российской империи, русские и русско-туземные школы и гимназии, а также подведомственные местные учебные заведения находились в прямом подчинении Туркестанского генерал-губернаторства. При этом надзор за мусульманскими медресе и традиционными мектебами не осуществлялся государственными структурами.

Генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман придерживался стратегии невмешательства в дела мусульманских школ, исходя из предположения, что традиционная образовательная система со временем утратит значимость и «самоисчезнет». Учебные программы этих школ были сосредоточены исключительно на религиозной грамотности и значительно отставали от требований современной эпохи. Исследователи, анализировавшие состояние традиционного образования в Туркестане, подчёркивали, что светские знания практически не преподавались, что свидетельствовало о несоответствии содержания обучения социально-культурным и экономическим потребностям региона [9, с. 61].

В 1883 году в Ташкенте состоялся первый съезд учителей русских учебных заведений Туркестанского края, в котором принял участие почётный попечитель русской школы в Коканде, Сатторхон Абдугафоров [10, с. 82]. Его участие демонстрировало вовлечённость представителей местной просвещённой интеллигенции в организацию и методическое обеспечение русско-туземного образования.

Особую роль в педагогическом развитии русско-туземных школ сыграл просветитель Саидрасул Саидазизов, который в 1902 году опубликовал первый букварь «Устои аввал». Этот учебник предназначался для начального обучения и представлял собой первый систематизированный методический материал, адаптированный к культурному и языковому контексту местного населения, одновременно соответствующий требованиям имперской образовательной политики.

Просветители местного населения того времени также понимали суть реформ, проводимых Российской империей, и делали своевременные выводы. Они способствовали созданию условий для учебного процесса детей местных народов, обучавшихся в русско-туземных школах, публикуя учебные пособия и методические материалы, адаптированные к потребностям этих учащихся. Для русских групп С. Граминичский подготовил и издал учебники «Первая книга для чтения», «Вторая книга для чтения» и «Третья книга для чтения», приурочив их публикацию к 25-летию создания русско-туземных школ [11, с. 88].

По состоянию на 1 января 1886 года в Туркестанском крае существовали следующие типы образовательных учреждений, организованные Российской империей:

1. Гимназии для мальчиков;
2. Гимназии для девочек;
3. Учительские семинарии;
4. Городские школы, созданные в соответствии с уставом 1872 года;
5. Школы религиозного направления;

6. Русско-туземные школы;
7. Частные школы [12, с. 116].

Для детей русского народа были организованы школы и гимназии, а также семинарии для подготовки преподавательских кадров. В рамках этих семинарий русская администрация утвердила устав, позволяющий преподавать на языках местных народов — узбекском и таджикском. Однако генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман предложил, чтобы вместо узбекского и таджикского преподавался казахский язык, с параллельным обучением русскому языку, а местное население обучалось письму на кириллице. Целью данной инициативы было ускорение процесса русификации местных народов [13, с. 150].

Несмотря на предоставленные возможности, русско-туземные школы сталкивались с недостатком учащихся. В качестве примера можно привести отчёт Граминичского, главного инспектора учебных заведений Сырдарьинской области за 1895 год, где отмечалось, что среди детей школьного возраста в сельской местности только 62 % составляют русские дети, что по сравнению с долей русских детей в Российской империи выглядело высоким показателем. Российское правительство рассматривало это как средство сохранения экономического и социального превосходства русских над местным населением, а также укрепления власти русской нации [14, с. 53].

В 1890 году главный инспектор учебных заведений Туркестанского края О. Керенский в отчёте о проверке русско-туземных школ Самаркандской области писал: «В ходе проверки русско-туземных школ Самаркандской области выяснилось, что учащиеся составляют крайне малую часть. Многие из зарегистрированных детей практически не посещают занятия. В ряде случаев учителя ведут уроки с 3–4 учащимися в классе. Так, 7 октября текущего года в русско-туземной школе города Джиззах на занятиях при моём личном участии никого не присутствовало» [15, с. 6].

Для привлечения местных детей — узбеков и таджиков — в русско-туземные школы генерал-губернатор Кауфман назначал на почётные должности охранников и наставников состоятельных и уважаемых представителей местного населения, владеющих русским языком. С помощью этих мер местные дети привлекались к обучению в русско-туземных школах. В рамках данной политики управление учебными заведениями русско-туземного типа в Ташкенте также поручалось состоятельным торговцам и уважаемым лицам местной общины [16, с. 276]. В сельских районах влияние состоятельных и уважаемых граждан было значительным, и большинство населения подчинялось их указаниям и следовало им.

В 1891 году с целью усиления контроля над мусульманскими учебными заведениями в составе Управления учебных заведений Туркестанского края была введена должность третьего инспектора народных школ Туркестана под руководством востоковеда Владимир Петрович Наливкин [17, с. 41]. Инспектор данной должности осуществлял надзор за традиционными школами и медресе, а также за русско-туземными школами и гимназиями на всей территории края.

Государство выделяло на содержание каждой русско-туземной школы всего 700 рублей в год, что было крайне низким с учётом экономико-социальных условий того времени. Большинство таких школ не имели специально построенных зданий и размещались в арендованных дворах состоятельных местных жителей или в 2–3 дополнительных комнатах их домов. В сельской местности русско-туземные школы функционировали в крайне тяжёлых условиях, а преподаватели выполняли свои обязанности за низкую оплату.

Согласно копии протокола заседания управления хозяйством Андижана от 5 марта 1901 года, в соответствии с приказом от 18 января того же года по результатам проверки Андижанского уезда, школам было предписано обеспечить необходимые учебные материалы и соответствующую инфраструктуру. Для размещения городской школы Андижана, ввиду отсутствия подходящего здания, Министерство народного образования рекомендовало выделить 550 рублей. Одновременно управление хозяйством Андижана, учитывая сложное экономическое положение, предложило увеличить месячную оплату труда местных учителей, работающих в русско-туземных школах, с 10 до 20 рублей, что за год составило бы 240 рублей. В конце протокола управление запросило разрешение на выделение средств для строительства религиозной школы и выделение подходящего земельного участка [18, с. 3].

В связи с этим, согласно протоколу заседания городской управы Коканда от 11 марта 1902 года, после ознакомления с отчётом Ферганского областного управления от 26 февраля того же года, было отмечено, что месячная зарплата учителя русско-туземной школы приравнивается к

месячному жалованию сторожа этой же школы. В документе подчёркивалась необходимость повышения годового оклада учителей до 240 рублей. Это решение отражало последствия политики русификации, проводимой правительством, поскольку низкая оплата труда учителей, преподававших для узбекских учащихся, существенно снижала эффективность образовательного процесса и демонстрировала систематическую дискриминацию местного населения. Архивные источники свидетельствуют о том, что местное население постоянно подвергалось недооценке и ущемлению [архивные материалы].

В отчёте начальника управления хозяйственными делами Наманганского уезда содержалось предложение повысить годовую зарплату учителей русско-туземной школы с 120 до 300 рублей. Однако изучение архивных документов показывает, что данное предложение не было утверждено правительством и повышение окладов не осуществлялось. Обучение в русско-туземных школах среди узбекских групп сохранялось в условиях, аналогичных начальным школам. После завершения уроков в русских классах ученики переходили в соседние классы под руководством узбекского учителя. Узбекский педагог преподавал все предметы, предусмотренные программой старой местной школы. В ходе урока узбекский учитель полностью нивелировал материалы и методические приёмы, использовавшиеся русскими преподавателями. Условия в узбекских классах оставались на уровне традиционной школы: если учащиеся русских классов сидели за партами, то в узбекском классе они располагались на на кошмах и наматах. Учебники, пособия и учебное оборудование отсутствовали, занятия проводились по старинной методике — посредством сухого заучивания арабских религиозных текстов.

Таким образом, несмотря на формальное присутствие русско-туземной образовательной системы, реальное обучение узбекских учеников оставалось архаичным и не обеспечивало современных педагогических стандартов, что отражало противоречия между политикой русификации и фактическим образовательным процессом для местного населения.

В школах, находившихся в ведении правительства Российской империи, наблюдались случаи, когда нерусские дети не могли усвоить учебные программы и оставались в одном классе до трёх лет. Опасаясь за престиж учебных заведений, Департамент народного образования принял специальные решения 21 июля 1883 года и 15 ноября 1888 года. Согласно этим решениям, учащиеся-нелокальные, оставшиеся на второй год по льготе, если в течение этого года не осваивали программу, подлежали отчислению с запретом перевода в другое учебное заведение в качестве низкоуспевающего ученика [19, с. 13].

В 1876 году в городах Ферганской области были открыты по одной школе для мальчиков и девочек. В 1878 году двухклассные школы были открыты в Янги-Маргилан, Намангане, Коканде и Оше, а в 1879 году — в Андижане; они имели пятилетний курс. Эти школы стали первыми попытками реализации политики русификации. В 1877 году в Ташкенте была открыта семиклассная гимназия, в 1879 году — гимназии для мальчиков и девочек в Ашхабаде. До 1887 года в Ташкенте существовали гимназии с преподаванием на русском языке, при этом частных русских школ не было. В 1900 году гимназии для мальчиков и девочек были открыты в Самарканде и Янги-Маргилане.

В 1903, 1905 и 1907 годах в Ташкенте частные гимназии «Михайловка» и «Гориздро» наряду с другими частными учреждениями осуществляли смешанное обучение мальчиков и девочек и готовили учащихся к поступлению в средние специальные учебные заведения. Одной из известных школ Ташкента была частная гимназия для девочек «Л. Гориздро». В 1914 году её окончила представительница военной семьи Лайло Еникеева, а в 1916 году — Анна Асфандиёрова, получив соответствующие свидетельства. Выпускницы данной гимназии продолжили педагогическую деятельность в гимназиях и русско-туземных школах в качестве учителей [архивные источники].

Гимназия для девочек в Самарканде считалась одним из наиболее престижных учебных заведений, находившихся под управлением правительства в регионе. Самаркандскую гимназию для девочек в 1904 году окончила Биби-Ойша Кулчанова, а в 1906 году — Марьям Левина, получившие свидетельства о квалификации домашнего учителя. В Верной гимназии для девочек в 1911–1912 учебном году выпускницами стали Мария Бойгулова, происходившая из семьи военных, и Надежда Колпаковская, дочь статс-секретаря [21, с. 239; 22, с. 124]. Выпускницы местных гимназий для девочек татарского происхождения также продолжали свою педагогическую деятельность в качестве частных домашних учительниц или в русско-туземных школах.

Главный инспектор учебных заведений Сырдарьинской области Граменицкий провёл изучение деятельности русско-туземных школ региона, включая организацию учебного процесса и посещаемость учащихся. В ходе наблюдений за период сентябрь–октябрь он выявил низкую посещаемость, которая в декабре, январе и феврале увеличивалась в несколько раз, а с марта и апреля вновь снижалась. Граменицкий предложил установить чёткие графики прихода учащихся в школу и продолжительности учебного времени для повышения дисциплины и регулярности посещаемости. Понимаю, нужно максимально точно и академично передать смысл вашего текста. Вот исправленный перевод на русский для уровня Scopus, с учётом всех нюансов:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В целом, после захвата Туркестанского края Российская империя провела реформы, направленные на реализацию политики русификации. Эти реформы охватывали также систему образования, включая создание русско-туземных школ и гимназий. Для привлечения детей местного населения в указанные учебные заведения проводились многочисленные меры и инициативы, направленные на воспитание лояльных империи граждан и увеличение числа её сторонников за счёт местного населения. Тем не менее, реформы, осуществлённые в школах того периода, не принесли ожидаемых результатов. В процессе реализации этих инициатив проявились экономические трудности и организационные ограничения. Часть местного населения направляла своих детей в русско-туземные школы, однако большинство отдавали предпочтение учебным заведениям, созданным местными просветителями, таким как мадраса и школы по методу «усули джадид».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. История из культурной жизни Туркестана. – Ленинград, 1927. – С. 87.
2. Dolimov U. Jadid maktablari: ularda ona tili va adabiyoti o'qitishning ilmiy-nazariy hamda amaliy asoslari: ped. fan. dokt. diss. – Toshkent, 2008. – B. 86.
3. Mazkur maktabda o'quvchi-qizlar bilim olish bilan birgalikda hunar ham o'rganishgan. – D.N.
4. Бендриков К. Очерки по истории народного образования в Туркестане. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. – С. 107.
5. O'zbekiston Respublikasi Milliy Arxivi (O'zR MA), I.47-fond, 1-ro'xat, 1025-ish, 6-varaq.
6. O'zR MDA, I.47-fond, 1-ro'xat, 228-ish, 64–68-varaqlar.
7. Turkiston viloyatining gazetasi. – 1890. – 32-son.
8. Пален К.К. Отчет о ревизии Туркестанского края; Учебное дело. – СПб., 1910. – С. 61.
9. Айтмамбетов Д.А. Дореволюционные школы в Киргизии. – Фрунзе; Миддендорф А. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882. – С. 127.
10. Граменицкий С.М. Очерки развития народного образования в Туркестанском крае // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области / под ред. И.И. Гейера. – Т. 4. – Ташкент: Типо-литография торгового дома Ф. и Г. Бр. Каменские, 1896. – С. 82.
11. Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX века: этнокультурные процессы. – Ташкент: Фан, 1991. – С. 88.
12. Гирс Ф.К. Отчет по ревизии по высочайшему повелению Туркестанского края тайного советника Гирса. – СПб.: Б. и., 1893. – С. 116.
13. Вульфсон Э.С. Как живут сарты. – М.: Б. и., 1908. – С. 150.
14. Бартольд В.В. Культура мусульманства. – Л.: Госиздат, 1922. – С. 53.
15. Кауфман К.П. Начальное народное образование в Туркестанском крае. – СПб.: Б. и., 1910. – С. 6.
16. Ликошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. – Петроград: Литогр. В.А. Берез, 1916. – С. 276.
17. Alixojiev M.O. Qo'qon xonligining madaniy hayotida maktab va madrasalarning tutgan o'rni (1800–1876 yu.): tarix fanlari nomzodi ilmiy darajasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. – Toshkent, 2012. – B. 41.
18. O'zR MA. F.I-19-jamg'arma, 1-ro'xat, 14972-ish, 3-varaq va orqasi.
19. O'zR MDA, I.47-fond, 1-ro'xat, 1025-ish, 13-varaq va orqasi.
20. Maktablarni nomlanishida o'qituvchining o'zi bir vaqtda nechta sinf bilan shug'ullana olishini nazarda tutib shunday nomlangan. – N.D.
21. Statskiy sovetnik – Rossiya imperiyasidagi beshinchi darajali martaba. Qarang: Ruscha-o'zbekcha lug'at. 5-jild. – Toshkent: Fanlar akademiyasi nashriyoti, 1955. – B. 239.
22. O'zR MDA, I.47-fond, 1-ro'xat, 1229-ish, 124-varaq.